

Чертова Яма

Имеется, сказывают, незнамо где, на Миусе Чертова Яма — место бездонное. По краям топляками огорожена, внутри пещерами подводными изрыта, а в них водовороты бурлят: все, что в Яму поладает, в бездну тянут. И жило в той Яме чудище шестиметровое. Сом — не сом, щука — не щука, а, прямо сказать, настоящее дьяволовое отродье.

Рыбаки Яму стороной обходили, потому что много в ней сгинуло бесследно добрых людей. Да и лодочки под другим берегом всегда путь свой держали по этим местам. Верно, оттого и селились возле Ямы долго никто не решался.

Наконец, появился на Миусе человек один, именем Демьян, прозванием Чернокижик. Имя христианское носил, а черен и вправду был, словно цыган, либо турок. А Чернокижиком его казаки прозвали, говорили, будто за чертозойводою.

Оно и вправду, не все в порядке с Демьяном было. Хату себе справил в стороне от всех, на берегу Миуса, аккурат с Чертовой Ямой рядом. Жил один — мрачный, недобрый. Ни с кем не знался, ни перед кем шалки не ломал. В хате его порой до рассвета огнях светился, и говорили люди, книги какие-то читает Демьян. На шее, вместо креста, камень чернозельный носит. Точно с нечистым спугался. Иначе, откуда деньги брал? В корме всегда наперед расплачивался, да все золотом.

Выпить был не дурак. Сам не пил, а смотрел, как другие на его деньги напиваются до драки, а после пьяные слезы утирают.

Злой был человек, подлый. Если кому в долг и давал, так потом три шкуры драл. Сам куры никогда не поднимал, голоса не повышал, но боялись его добрые люди, потому что, видно по глазам было — ушмеч. Такому щею свернуть — что плечу.

Только жил в наших краях мужичонко один — Грыцко. Так, не перешли рукав, мужичонко. Казак плохонький,

собой плохавый и ленивый до невозможности. Одно только хорошо и умел — в корме усы в чарке полоскать.

И была у этого Грыцка жена — Агриппина, баба дебилая, работная, характерная и злющая, словно собака, сушая чертовка. Может, от нее Грыцко в корму и бегал.

Там и встретил он Демьяна Чернокижника, богатство его заметил.

Заметил — дома жене рассказал. И с той поры вовсе покой потерял. Чуть на пороге — пилит его Агриппина. Чего, дескать, не уследишь, где Демьян деньги берет? Чего сам также не разбогатеешь? Докопался парод соседкой срамиться должна, коли та в новой шубе ходит, а я позарошлогодне золовкины обноски донашиваю? Мужик ты или урен собачий? Хоть бы обокрал этого Демьяна, коль у самого ума нет.

Ну, наметет так с три короба, хоть вовсе домой не приходи.

Грыцко, конечно, украсть чего и сам не дурак, но против Демьяна страшно было. Ну, как и вправду прибить? Или еще лучше — с чертом познакомиться?

Сколь мог, все же, сначала от жены отлучившись да отобривался. Но та твердо наслеза — не спихнешь.

А к лету, как праздник Ивану Купала девок на реку поманул, и вовсе стала хуже медведицы — сковородник достала и мужу пригрозила, что, коль не добудет он сегодня же денег, сама она его не хуже Чернокижника отутюжит. Потому как в эту самую ночь, наверняка начнет ворожить Демьян, и дурак будет Грыцко, коли не проследит, да все доподлинно не

вызывает, откуда тот берет богатства свои.

Делать нечего, стал Грыцко одеваться. Думал, как прежде, в корме отсидеться да под забором проспать, а жене утром сказать, что ничего не видел, да не вышло. Агриппине, видать, мужина лень к гузду узлом подошла, сама стала с Грыцком собираться. Прослежу, мол, с тобой вместе за чертоземлем, а если что, то и подосбелю. И сковородник с собой на пояс повесила.

Пошли. Ночь темная, хоть глаз выколи. Только и свету — в небе звезды, а по траве светлячки рассыпаны.

И тихо, ни души. Лишь сверчки в листьях трещат, да жабы на Миусе надрываются, дождь кличут.

На их голос к Миусу и дошли, вдоль берега к дьявоновой хате красться стали.

Смотрят — в хате светло и дверь нараспашку. Ближе кустами подошли — Демьян на круче над Ямой стоит, в руках свой камень с шеи держит, и горит у ног его малюсенькая свечка. Говорит Демьян с кем-то темным да длинным, кто внизу в воде плавает.

— Силою камня этого заклинаю тебя, яви мне еще золота! Золота много хочу, чтобы всех купить и власти хочу над всеми этими казаками. Над всеми их жизнями, и над смертью тоже. Дай мне, темный дух, власть над этой землей, у братьев моих, турок отобранной!

Агриппина на чудище внизу посмотрела и мужа в бок толкает.

— Сделай что-нибудь! Страсть-то какая!

Он плечами жмет: — Что сделать я могу, са-

мим бы ноги унести!

А Демьян их и не видит, лишь на Миус смотрит, камнем на веревке над водой машет, молитвы твердит.

— Заклинаю тебя, дух темный, силою этого камня, дай мне власти над этой землей, и над мужиками ее, и над бабами, и над дитями малыши. Дай власти!

Пут Агриппину зло взяло. Мужа в сторону оттолкнула. С пояса сковородник сорвала, из-за куста вылетела, да с размаху по затылку Демьяну плюнула. Только звон пошел. Рука-то тяжелая, не барская.

— Ах, ты, турка поганая! Меня, мужнину бабу, в свои заклинания вплетать удумал? Мало мне мужа — лентяя да пьяницы, так еще и ты надо

Один лишь черно-зеленый камень на шнуре из дьявоновой руки под ноги Агриппине покатился.

Подняла она камень. А внизу огромная черная рыба, на глаза раскрыла, шею вытянула, над водой, словно змее, голову подняла. Да и говорит вдруг Агриппине:

— Отдай мне, женщина, камень этот! Все, что пожелаешь, исполню тебе за него! Хоть всю землю тебе отдам! Брось его в пасть мою! Не могу я без него уйти отсюда!

Агриппина размахнулась, да швырнула камнем в чудище.

— Подавись, нечисть проклятая! Я — не турка твоя, чтоб всю землю желать. Мне лишь бы счастья, чтоб в семье здоровья да работачи все были, да денег немножко, чтоб не бедствовать, да мужик рядом, а не в корме и на войне. Вот и все мои желания. И морду твою чтоб никогда здесь больше не видеть. Иначе и тебя сковородкою этой припечатаю!

Рыба камень зубами поймала, глаза еще шире раскрыла. Усами пошевелила, вроде, усмехнулась даже. И молвила:

— Исполни я за этот камень желание твою, как обещала. Жаль, нету в наших турецких краях баб таких, как ты. Сколько бы мы вместе с тобой дел наворотили!

Но, видно, и впрямь говорят, что в одном месте два черта не уживаются. Прощай! Грыцку привет!

Сказала так, и в Яму нырнула. Навски сгинула.

А Агриппина полумертвого от страха мужа растолкала, да домой пошла.

И заметено с той поры стало, что сдержала слово свое рыбка. И впрямь у Агриппины с Грыцком все наладилось. Он врал больше работничком, а она — не такой злощес. Может, потому, что не носил теперь в корму Грыцко деньги заработанные. А может, потому, что шубу Агриппине купил лучше, чем у соседки была.

И на Чертовой Яме все успокоилось. Рыбаки с нее зловонных карпов да сомов таскать стали.

Милость Куракина

На реке Каменке село одно стоит, Политотделское называется. Но это название село не так давно получило, всего лет сто назад. А раньше называлось оно Милость-Куракино (Шабельского), и рассказывают о нем такую историю.

Жили толи в Петербурге, толи еще где, два барина, а по-нашему — два пана. Один был сам министр внутренних дел Российской империи, князь Куракин. А другой — секретарь его личный, Шабельский.

Паны были как паны: золотые позументы носили, тушенных каллунов и пуляров под соусом из белых трюфелей кушали, французские романы на ночь читали и писали на гербовой бумаге по всем канцелярским письмам. А когда им их тяжелая работа надоедала, брали себе отдых и ехали в южную глушь — в своих деревнях и поместьях порядки наводить, а попросту говоря, скучать.

Вот раз как-то случилось, что пан Шабельский у себя в имении вовсе без настроения проснулся. То ли у него накануне седьмая дочь третью ложку уксусу на ночь не выпила, то ли сушеные мухи в окнах видом своим все бытие отравили, то ли супружница нынешним пенсионом всю ночь поперекла, бог еесть. А только гнал пан на себя в зеркало, сконфузился — никакого авантюра.

В бутылку сунулся, сливочной наливки дернул. Думал, может отпустит, ах и тут не пошло. Тоска, одним словом, а по-ученому сказать — сплин.

Чесая-чесая себе пан мзкову, а потом и мадумал, пользуюсь привилегией своей секретарской, к шефу свое-

чавшему, съездить и приглашение на бал ему отвести.

А что? Дело умное — бал устроить. Со всех сторон съедутся на Шабельский паны, князья да графы. Глядишь — не придется боле седьмой дочке на ночь из ложки уксус лапать. Ну, и в картишки не куду бы перекинуться. Все ж, какое-никакое, а развлечение.

Сказано-сделано. Наскорю открыточку настроил, французской водичкой надушился, дворню настроил и самолично выехал в новой коляске в поместье куракинское. Приглашенные повез.

Ласково принял его князь Куракин, вишневого наливкой по случаю угостил и обещал почтительно непременно особой своею бал в имени Шабельском. С тем визитера и за дверь выставил.

Пан Шабельский домой вернулся, пани свою известием о предстоящем бале в сердечный приступ явел.

— Как могли вы, милостивый государь, меня не предупредить, какие важные для нашей семьи решения единолично принимать, — кричит. — Вы же знаете, какие чувствительные у меня нервы! Доведите вы меня своим самоуправством, помру я. Тогда сами будете дожидаться шлемом мясные отбавные прикладывать, здоровый румянец наводить!

Ну, послушала так, поохала для порядка, а сама рада-радешенька. Тоже, поди, в орту воздух застоялся, позав-

опять же, замуж навсегда пора.

Цельных две недели после этого разговора жена Шабельская прислугу изводила: лостры начистить, половники от моли поветрить, куски сахара в сахарнице пересичать — до всего ей дело нашлось. А уж, пока меню на стол составляла, не то, что повару своему, каждой судомойке на кухню рыбной костью поперек глотки стала.

Однако, барыня — что ико-

Да что там дворня! Сам пан Шабельский из дому, что ни заря, стал на охоту сбегать. У пани его, крысиного яду ей под хвост, что ни день, в нервала чувствительность все повышается. Дошло до того, что от наливочного шаткария у мужа клоч отобрала и даже за винным погребом, точно коршун, следить начала. Чтб благоверный, не дай бог, от ее кудактанья и чириканья раньше времени коньячную микстуру не принял.

гостями новым червонцем выкатился.

Дочки глазами по женихам стреляли, сыны в перчатки зевки прыгнут. Пани гостям щебетач канарейкой. А пан Шабельский вокруг князя Куракина пчелой вьется, куда посадит, да чем еще угостит, думает.

Под конец в курительную комнату с прочими панами пошли — херес с мадерой под преферансовым соусом пробоовать и виргинским табачком

дельного поста разгорячило, что проиграл он своему начальнику, князю Куракину, не только два своих месячных жалования со всеми карманными деньгами за год, но и милое свое селцо, в котором именьецо его, Шабельское, обрательлось.

Все как есть, продур — вместе с домом господским, конюшней, свинарником и сенокосом. Слово свое дворянское за столом дал перед другими панами: долг карточный оплатить и князю Куракину усадьбу отказать. Дал слово и протрезвел, как понял, что он наделал и какой ему супружница после бала клистрит пропишет.

Протрезвел — вовсе за голову схватился. Бутылку хересу чуть ни залпом осушил. Князю Куракину в ноги кинулся, слезы по бакебардам растирать стал, в любви и преданности клялся. Глянул на него Куракин и растрогался.

— Ладно, — говорит, — прощу тебе долг. Только с одним условием: чтоб все о благородстве моем княжеском узнали, завтра же переименуй свое село Шабельское в Милость Куракина, и тогда будет у нас с тобой полная гармония.

Шабельский ему головой кивает, от счастья слова молвить не смеет. Господи, все-го-то и делов — в честь спасителя и благодетеля деревню назвать! Все ж лучше, чем женины упреки слушать да глазами в пол смотреть.

Так и сделал. На следующую же день стало селцо Шабельское Милостью Куракина называться. А пани своей Шабельский такую перемену объяснил женихам: шефу угостить и по карьерной лестнице еще выше взойти, чем ее похвалу за свою мудрость и дальновидность заслужил.

Ну, в самом деле, не рассказывать же бабе, как по собственной пьяной дури, он чуть было не любимого имени на панишля?